

ПЕЛАМ

PELHAM GRENVILLE WODEHOUSE

P. G. Wodehouse

ВУДХАУС

◆ **КАПРИЗЫ МИСС МОД** ◆

Пелам Гренвилл Вудхаус

Капризы мисс Мод

«СОЮЗ»

1919

Вудхаус П.

Капризы мисс Мод / П. Вудхаус — «СОЮЗ», 1919

ISBN 978-5-6048352-2-7

В один из дней популярный композитор Джордж Бэван увидел на улице Лондона прелестную юную девушку. Заранее завидуя тому счастливицу, к которому молодая особа так спешила на встречу, Джордж остановил проезжающее мимо такси и только собрался отправиться в отель, как неожиданно незнакомка буквально впрыгнула в его автомобиль, умоляя спасти ее от преследователя. Это послужило началом очень загадочной и запутанной истории в которой кроме любви и страсти оказались замешаны интриги, тайные заговоры, предрассудки и даже рыба со странным названием «Помпано»...

ISBN 978-5-6048352-2-7

© Вудхаус П., 1919

© СОЮЗ, 1919

Содержание

Глава I	6
Глава II	13
Глава III	18
Глава IV	22
Глава V	27
Глава VI	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Пелам Гренвилл Вудхаус
Капризы мисс Мод
Роман

P.G. Wodehouse
«A Damsel in Distress», 1919

* * *

© ИП Воробьёв В.А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

Глава I

Поскольку местом действия настоящего романа является исторический замок Бельфер в графстве Гэмпшир, было бы приятной задачей начать это повествование с подробного описания местности, сопровождаемого некоторыми заметками из истории графов Маршмортонов, владевших этой местностью с пятнадцатого столетия. К несчастью, в наш век суеты и торопливости, писателю приходится работать в неблагоприятных условиях. Он должен погрузиться в гущу своего рассказа с такой же поспешностью, как и тогда, когда он собирается вскочить в трамвай на ходу. Иначе читатель захлопнет книгу и устремится в кино.

Вкратце я могу сообщить, что нынешний лорд Маршмортон – вдовец и что ему около сорока восьми лет. У него двое детей – сын, Перси Вильбрагам, Марш лорд Бельфер, которому на днях исполнится двадцать один год, и дочь – леди Патриция Мод Марш – двадцати лет. Хозяйка замка – леди Каролина Бинг, сестра лорда Маршмортона, вышедшая замуж за чрезвычайно богатого шахтовладельца – Клиффорда Бинга – незадолго до его смерти (злые языки утверждают, что она ее ускорила). У нее есть пасынок Реджинальд. Дайте мне время сообщить эти немногие факты, и я все исчерпал. А славного прошлого Маршмортонов я даже не коснусь.

К счастью, от этого пробела не испытает ущерба литература. Лорд Маршмортон сам своей персоной трудится над составлением семейной хроники, которая, несомненно, украсит каждую книжную полку, как только его сиятельство закончит этот труд. Что же касается замка и его окрестностей, включая образцовую ферму и янтарную гостиную, то вы лично можете их увидеть в любой четверг, когда Бельфер открыт для публики за плату в шиллинг с человека. Деньги взимаются дворецким Кэгсом и идут на местные благотворительные нужды. По крайней мере, таковы намерения владельца замка. Но голос клеветы никогда не умолкает, и есть группа людей, возглавляемая юным лакеем Альбертом, которая считает, что Кэгс липнет к этим шиллингам, присоединяя их к своим значительным уже сбережениям в Фермерско-Купеческом Банке, помещающемся по левой стороне Главной Улицы деревни Бельфер.

Относительно этого можно лишь заметить, что Кэгс слишком напоминает своим внешним видом почтенного епископа, чтобы снизойти до такого образа действий. С другой стороны, однако, Альберт хорошо знает Кэгса. Оставим этот вопрос открытым.

Конечно, внешность бывает обманчивой. Так, например, любой человек, очутившийся в 11 часов перед входом в замок в один из июньских дней, мог бы легко впасть в заблуждение. Он пришел бы к поспешному заключению, что особа средних лет, с решительной осанкой, стоящая около цветника роз, беседующая с садовником и наблюдающая за молодой парой внизу на террасе, была матерью красивой девушки и что она улыбалась, так как ее дочь лишь недавно стала невестой того высокого юноши с приятным лицом, который гулял рядом с ней. Сам Шерлок Холмс был бы введен в заблуждение. Легко представить себе, как он объясняет обстоятельства дела Ватсону в момент, когда молниеносная догадка озаряет свойственное ему дедуктивное мышление: «Это единственное объяснение, мой дорогой Ватсон, если бы леди просто расхваливала перед садовником его розы и если бы ее улыбка была просто вызвана превосходным видом этого цветника, то на лице садовника отразилась бы ответная улыбка. Но, как вы видите, у него угрюмый и сумрачный вид». На самом же деле, садовник, т. е. этот коренастый и смуглый мужчина без пиджака и в брюках из рубчатого бархата, мрачно глядевший на лейку с раствором ворвани, был лорд Маршмортон, при чем две причины вызывали его мрачный вид. Он ненавидел, когда прерывали его работу, а, вдобавок к этому, леди Каролина Бинг всегда действовала ему на нервы, особенно, когда она, как в данную минуту, строила расчеты на возможность романа между ее пасынком Реджи и дочерью его сиятельства – Мод.

Только самые близкие люди узнали бы в этой курьезной фигуре в брюках из рубчатого бархата седьмого лорда Маршмортона, того самого, который появляясь по временам в Лон-

доне, завтракал в обществе епископов в клубе «Атенеум», никого не шокируя, всегда корректно одетый. Никто не заподозрил бы его в том, что он прикрывает свои мускулистые ноги чем-либо иным, нежели тончайшим сукном. Однако, если бы вы взглянули в адресный справочник и раскрыли его на букву «М», то вы нашли бы в месте, отведенном лорду Маршмортона, следующие слова: «Любимое занятие – садоводство», к которым, в порыве огромной гордости, его сиятельство прибавило: «Присужден первый приз за чайные розы. Выставка цветов 1911 г.» Эти слова говорят сами за себя.

Лорд Маршмортон был самым пламенным садовником-любителем во всей Англии. Он жил только для своего сада. Любовь, которую другие люди простирают на своих ближних, лорд Маршмортон расточал на семена, розы и глинистую почву. Ненависть, которую некоторые представители его класса питают к социалистам и демагогам, лорд Маршмортон перенес на улиток и жучков. У простодушного лорда Маршмортона был мягкий и приветливый характер. Но, чуть только он приходил в соприкосновение с мошками, он тотчас же превращался в разрушителя, наподобие Атиллы или Чингиз-Хана, сеющего вокруг себя смерть и кровопролитие. Мошки питаются нижней стороной листьев роз, высасывая их сок, и, в результате, листья желтеют. Взгляды лорда Маршмортона на эти явления были настолько непреклонны, что он вылил бы раствор ворвани на собственную бабушку, если бы застал ее за сосанием листьев его роз.

Единственное время дня, когда он переставал быть тружеником с мозолистыми руками и превращался в аристократа, было после обеда, под вечер, когда, подстрекаемый леди Каролиной, не дававшей ему в этом деле покоя, он удалялся в свой личный рабочий кабинет и работал там над историей своего рода, при содействии достойного секретаря – Алисы Фарадэй. Но этот солидный труд продвигался медленно. Десять часов на свежем воздухе навевали дремоту, и лорд Маршмортон слишком часто засыпал на полуслове, к досаде мисс Фарадэй, добросовестной девушки, не хотевшей даром получать своего жалованья.

Пара на террасе повернулась; лицо Реджи Бинга, наклонившееся к Мод, было серьезно и оживленно, и даже на расстоянии было видно, как ее глаза зажигались от его слов. Она не могла оторваться от них. Улыбка леди Каролины делалась все более и более благосклонной.

– Что за прелестная пара, – промолвила она. – Я хотела бы знать, что говорит дорогой Реджи. Может быть, в эту самую минуту...

Она прервала себя со вздохом удовлетворения. Она испытала немало беспокойства из-за этого дела. Дорогой Реджи, обычно столь покорный в ее руках, обнаружил непостижимое нежелание связать свою судьбу с Мод, несмотря на то, что его мачеха никогда, даже на публичной трибуне, которую она так искусно украшала, не рассуждала более здраво, чем тогда, когда указывала ему на все выгоды этой партии. Не то, чтобы Реджи не любил Мод, он признавал, что она совершенство, и иногда заходил так далеко, что называл бесценной. Вместе с тем, однако, казалось, что он не обнаруживает склонности просить ее руки. Как могла леди Каролина знать, что весь мир для Реджи или та его часть, которая не была заполнена гоночными автомобилями и гольфом, заключался в одной лишь мисс Фарадэй. Реджи никогда ни единым словом не обмолвился ей об этом. Он даже не сказал этого самой мисс Фарадэй.

– Может быть, – продолжала леди Каролина, – дорогой мальчик именно в эту минуту делает предложение.

Лорд Маршмортон что-то промычал и не отрывал пристального взгляда от страшной жидкости, приготовленной им для мошек.

– Одно обстоятельство очень благоприятно, – сказала леди Каролина, – Мод, кажется, совершенно избавилась от этого смехотворного ослепления человеком, которого она встретила прошлым летом в Уэллсе. Она не могла бы быть такой веселой, если бы все еще предавалась этому чувству. Надеюсь, вы, Джон, теперь согласны, что я была права, когда держала ее здесь фактически в плену и ни разу не дала ей возможности встретиться с этим человеком случайно или намеренно. Говорят, что разлука усиливает чувство. Глупости! Девушка в возрасте Мод

влюбляется и перестает любить раз десять в год. Я уверена, что она в настоящее время почти его забыла!

– Что? – сказал лорд Маршмортон. Его мысли, занятые зелеными мухами, были далеки.

– Я говорила о человеке, с которым Мод познакомилась во время своего пребывания в Уэллсе.

– Ах, да.

– «Ах, да», – с досадой повторила, как эхо, леди Каролина. – Неужели это единственное замечание, которое вы считаете нужным сделать? Ваша единственная дочь увлекается незнакомцем, человеком, которого мы никогда не видели, о котором мы ничего не узнали, даже его имени, ничего, кроме того, что он американец и что у него нет ни гроша за душой. Мод призналась в этом, и все, чего от вас можно добиться, это: «Ах, да».

– Но теперь все прошло, не так ли? Мне казалось, что эта злополучная история забыта!

– Мы надеемся на это. Но я чувствовала бы себя гораздо более спокойной, если бы Мод обручилась с Реджи. Я полагаю, что вы могли бы принять на себя труд поговорить с Мод.

– Поговорить с Мод? Я ведь разговариваю с ней. – Мысли лорда Маршмортона текли медленно, когда он был озабочен своими розами. – Мы с ней в превосходных отношениях.

Леди Каролина нахмурилась. У нее был живой, сильный ум, отчетливый и энергичный, и нерешительность ее брата и все растущая его невнимательность раздражали ее.

– Я имела в виду, что вы должны поговорить с ней относительно ее обручения с Реджи. Вы ее отец, вы, несомненно, могли бы уговорить ее.

– Я не могу принудить ее.

– Я никогда не намекала на то, что вы должны ее принудить, как вы изволите выразиться. Я только предполагала, что вы, как отец, могли бы указать ей, в чем ее долг и счастье.

– Нате, получайте, – крикнул лорд, с внезапной яростью брызгая из лейки в ближайший куст и обращаясь к невидимым мошкам. Он совершенно забыл про леди Каролину. – Ешьте на здоровье, у меня еще много в запасе!

Новое лицо спустилось со ступенек замка и направилось к ним. Это была красивая девушка, от которой веяло спокойной энергией. У нее были серые с капризным выражением глаза. Ее голова была непокрыта, и ветерок развеивал ее темные волосы. Она представляла грациозную картину в рамке лучей утреннего солнца, и Реджи Бинг, увидя ее с террасы, покраснел и потерял нить своего рассказа. Внезапное появление Алисы Фарадэй всегда действовало на него подобным образом.

– Лорд Маршмортон, – я переписала заметки, которые вы составляли вчера вечером. Я сняла две копии.

Алиса Фарадэй говорила спокойным, почтительным, хотя и слегка авторитетным тоном. Это была девица с сильным характером. Ее прежние патроны считали, что в качестве секретаря она незаменима. Напротив, на лорда Маршмортона ее настойчивость действовала угнетающе. Их взгляды на значение садоводства и семейной хроники не совпадали. Для него история Маршмортонов была занятием, пригодным лишь для заполнения часов досуга; она же считала, что он должен видеть в этом цель всей своей жизни. Она беспрестанно разыскивала его по саду и тащила обратно к тому делу, которое, по его мнению, должно было просто составлять предмет его послеобеденных занятий. Когда лорд Маршмортон, немножко вздремнув после обеда, просыпался слишком поздно, чтобы возобновить работу, он обычно давал смутное обещание, что он – займется этим завтра; но при этом он с горечью думал о том, что девушке следовало бы обладать достаточной долей такта и здравого смысла, чтобы понять, что его слова не более, как отговорка, и что их не следует принимать всерьез.

– Это только черновой набросок, – продолжала Алиса, обращаясь к месту, на котором покоились брюки из рубчатого бархата его сиятельства. Лорд Маршмортон всегда принимал наклоненную позу, когда видел, что мисс Фарадэй приближалась с бумагами в руках, и,

при этом, впадал в трогательное и не покидавшее его, несмотря на многочисленные неудачи, заблуждение, что она удалится, если не увидит его лица.

– Вы помните, вчера вечером вы обещали, что займетесь ими сегодня утром. – Последовала достаточно длинная пауза, после чего послышалось в ответ неясное мычание. – Впрочем, если вы заняты... – сказала она кротко и искоса взглянула на леди Каролину. На эту властную особу можно было всегда рассчитывать, как на союзника, в этих маленьких стычках.

– Ничего подобного, – сказала леди Каролина недовольным тоном. Она все еще была взволнована невнимательным отношением, с которым были встречены ее прежние слова, и приветствовала повод для водворения порядка.

– Вставайте сейчас же, Джон, и идите работать.

– Я ведь работаю, – умоляюще сказал лорд Маршмортон.

Сестра Каролина иногда имела способность заставлять лорда Маршмортона, несмотря на его сорок восемь лет, чувствовать себя маленьким мальчиком. В дни совместного детства она была по отношению к нему взыскательным начальником.

– Семейная хроника важнее, чем копанье в грязи. Не могу понять, почему вы не поручаете такого рода работу Макферсону. Непостижимо, почему вы так щедро его оплачиваете, а вместе с тем, работаете за него. Вы знаете, что издатели ждут «Хронику». Немедленно займитесь вашими записками.

– Вы обещали, что займетесь ими сегодня утром, – сказала Алиса.

Лорд Маршмортон, как утопающий, схватился за лейку с раствором ворвани. Никто не знал лучше его самого, что эти переговоры всегда кончались одинаково, в особенности, если при этом присутствовала леди Каролина и придавала им вес своей подавляющей личностью.

– Да, да, да, – сказал он, – может быть, сегодня вечером после обеда. Да, после обеда, это будет превосходно.

– Я полагаю, что вы должны были заняться ими сейчас, – сказала Алиса с легкой настойчивостью в голосе. Девушку, поистине, смущала мысль, что она не в достаточной степени трудилась, чтобы заслужить свое щедрое вознаграждение. К тому же, к семейной хронике Маршмортонов она относилась с энтузиазмом. Эта тема имела для нее особо притягательную силу.

Лорд Маршмортон выпустил из своих рук лейку. Сотни пощаженных мошек спокойно пожирала свою утреннюю еду, не подозревая, от какой участи они были спасены.

– Хорошо, пойдемте в кабинет.

– Я посмотрела расписание поездов, – обратилась мисс Фарадэй к леди Каролине, – самый подходящий поезд идет в 12 часов 15 минут. В нем вагон-ресторан и он останавливается, по требованию, в Бельфере.

– Вы уезжаете, Каролина? – спросил лорд Маршмортон с надеждой в душе.

– Я должна сказать краткую речь в Лиге социального прогресса в Льюсгэме. Я завтра буду обратно.

– О, – сказал лорд Маршмортон голосом, в котором уже не слышалось надежды.

– Кстати, мисс Фарадэй, скажите Реджи, что я хочу с ним переговорить.

Когда мисс Фарадэй подошла к Реджи, Мод уже не было с ним, и пылкий юноша сидел на каменной скамейке, покуривая папироску. Реджи вскочил со скамейки.

– Хэлло, а вот и вы. Впрочем, я хотел спросить, в чем дело.

Обычно, в ее присутствии, он чувствовал, как мурашки пробегают по его спине. Ему казалось, что его руки и ноги, как бы пораженные слоновой болезнью, вздувались до огромных размеров. Ему страстно хотелось освободиться от привычки раздражаться нервным смехом каждый раз, когда он встречался с «принцессой своих грез». Это не могло не создать в ней неправильного представления о нем, как о чурбане и еще того хуже.

– Леди Каролина уезжает в 12 часов 15 минут.

– Это хорошо, то есть, я хотел сказать, она в самом деле уезжает! Ага! Я понимаю, что вы хотите сказать! – Его охватило сознание необходимости выразиться мало-мальски связно. Он собрался с духом. – Не хотите ли прогуляться со мной или прокатиться на лодке по озеру или что-либо в этом роде?

– Благодарю вас, но я должна вернуться домой и помочь лорду Маршмортона в его работе, – сказала она, удаляясь, с приятной улыбкой.

Реджи медленно пошел навстречу мачехе.

– Ну, Реджи, какие новости?

– Что, новости! Разве вы не читали газет за завтраком? Ничего особенного. В Королевском театре ставят новую музыкальную комедию. В «Морнинг пост» напечатана превосходная рецензия.

Леди Каролина нахмурилась. Несообразительность, с которой он подхватывал ее намеки, вместе с невнимательностью ее брата раздражали ее.

– Нет, не то! Я имею в виду, что у вас был продолжительный разговор с Мод, и она, казалось, очень заинтересовалась тем, что вы ей говорили. Я надеялась, что вы мне сможете сообщить приятную новость.

Лицо Реджи просияло. Он понял ее намек.

– Нет, ничего в таком роде не произошло.

– Реджи, неужели же вы хотите сказать, что вы не воспользовались таким подходящим случаем и не сделали предложения?

– Кстати, я забыл вам сказать, из этого ничего не выйдет. Оказывается, существует на свете неизвестный молодой человек, в которого Мод влюблена. Она встретила с ним прошлым летом в Уэллсе. Ее настиг дождь, а он как раз проходил мимо и предложил ей непромокаемый плащ, и одно повлекло за собой другое. Всегда ведь идет дождь в Уэллсе, не так ли? Хотя там и встречается хорошая рыбная ловля. Малый был так любезен и все такое, что теперь она ни о ком другом и слышать не хочет.

– Что за ерунда! Мне все известно. Это было мимолетное увлечение, которого не следует принимать всерьез. Мод давно забыла об этом.

– Ну, она, кажется, думает иначе.

– Реджи, – сказала строго леди Каролина, – выслушайте, пожалуйста, меня. Вы знаете, что через день-два замок будет полон гостей по случаю празднования совершеннолетия Перси, и именно теперь вам, быть может, представляется единственный случай поговорить с Мод наедине. Я буду очень недовольна, если вы им не воспользуетесь. Ваше поведение непонятно. Мод прелестная девушка.

– Безусловно, одна из лучших.

– Так в чем же дело? Я не допускаю больше никаких колебаний. Почему бы вам не прокатиться с Мод в вашем моторе сегодня днем?

Реджи заметно повеселел. На это, по крайней мере, у него был готовый ответ.

– Боюсь, что это невозможно. Перси возвращается из Оксфорда сегодня утром. Я обещал встретиться с ним в Лондоне и привезти его сюда в моторе. Если вы хотите попасть на поезд в 12:15, – поспешно прибавил он, – вы бы лучше поторопились.

– Только не забудьте того, о чем мы с вами говорили. Итак, до свидания, я завтра вернусь.

Реджи медленно поплелся к своей скамейке. Он тяжело дышал и чувствовал себя, как затравленная лань.

Мод вышла из дому в то время, как мотор, мчавшийся вдоль длинной аллеи, обсаженной вязами, исчезал из вида. Пройдя через террасу, она приблизилась к Реджи, которого в эту минуту занимали мысли о жизни и ее проблемах.

– Реджи! – Реджи повернулся. – Хэлло. Мод, дорогая, садитесь. – Мод села рядом с ним.

Ее красивое лицо покраснелось, и, когда она с ним заговорила, ее голос дрожал от сдерживаемого волнения.

– Реджи, – сказала она, положив свою маленькую ручку к нему на плечо, – мы друзья, не правда ли?

Реджи с отеческой нежностью потрепал ее по плечу. Мало кого он так любил, как Мод.

– Всегда были друзьями со времен милого детства!

– Я могу довериться вам?

– Безусловно.

– Я хочу попросить вас об одном одолжении. Это секрет.

– Энергичный мужчина, умеющий хранить тайны, это как раз я. В чем дело?

– Вы, кажется, собираетесь сегодня днем поехать в Лондон за Перси?

– Да, я собираюсь.

– Не можете ли вы вместо этого поехать сегодня утром и взять меня с собой?

– Конечно.

Мод покачала головой.

– Я уверена, что вы бы не согласились с такой легкостью, если бы догадывались, в какое предприятие я вас вовлекаю. Мне запрещено отлучаться из замка. Причина – то, о чем я вам уже говорила.

– Ах, этот юноша!

– Да, и если об этом узнают, то будет большой скандал.

– Не беспокойтесь, моя дорогая, я рискну. Из этих уст никто не услышит о вашей тайне.

– Реджи, вы такой милый.

– Но в чем дело, почему вы хотите ехать именно сегодня?

Мод оглянулась. Потому что, – она заговорила шепотом, хотя никого не было поблизости, потому, что «он» вернулся в Лондон. «Он» нечто вроде секретаря у своего дяди, и я утром прочла в газете, что дядя вернулся вчера после продолжительного путешествия в своей яхте. Очевидно, он также вернулся. Он всюду сопровождает своего дядю. Я непременно должна его увидеть. Я не видалась с ним с прошлого лета, почти целый год. Он не писал мне, да и я не рисковала писать ему из опасения, что письмо попадает не по адресу. Вам теперь ясно; я должна ехать. Сегодня единственный подходящий случай. Тетя Каролина уехала. Отец будет занят в саду и не заметит моего отсутствия. Кроме того, завтра будет слишком поздно, так как Перси будет уже здесь. Он больше, чем кто-либо, был взбешён от всей этой истории.

– Да, Перси гордый юный аристократ, – согласился Реджи. – Я прекрасно понимаю! Скажите же мне, что вы хотите, чтобы я сделал?

– Я хочу, чтобы вы догнали меня в моторе по дороге в полумиле отсюда. Вы мне довезете до Пикадилли. Мне как раз надо быть поблизости оттуда. Но больше всего меня озабочивает Перси. Вы должны убедить его остаться обедать в Лондоне и вернуться сюда не раньше вечера. Я тогда буду иметь возможность вернуться с дневным поездом, и никто не заметит, что я была в отсутствии.

– Это очень просто. Считайте, что дело сделано. Когда вы хотите отправиться?

– Сейчас же!

– Итак, я иду в гараж за мотором. – При этом Реджи весело засмеялся. – Какое странное стечение обстоятельств. Мне матушка только что говорила, что мне следовало бы прокатить вас.

– Какой вы милый, Реджи!

Реджи еще раз потрепал ее по плечу с отеческой нежностью.

– Дорогая моя, я знаю, что значит быть влюбленным. Когда вы будете готовы, отправляйтесь в путь и ждите меня.

Когда он удалился, Мод вынула из кармана маленькую газетную вырезку из отдела светской хроники. Вырезка эта содержала всего несколько слов:

«Мистер Вильбур Раймонд вернулся к себе домой в Белграв-Сквар, № 11, после продолжительного путешествия в своей яхте „Сирена“».

Хотя Мод и не знала мистера Вильбура Раймонда, тем не менее эта заметка заставила ее кровь сильнее переливаться в жилах; потому что, как она уже говорила Реджи, когда Вильбур Раймонд возвращался в город к себе домой, за ним всегда неотступно следовал его племянник и секретарь – Джоффри Раймонд. А Джоффри Раймонд был именно тот человек, которого Мод полюбила с того дня, как встретила с ним в Уэллсе.

Глава II

Солнце, так ярко сиявшее над Бельфером в полдень, когда Мод и Реджи Бинг отправлялись в путь, так же весело светило над Лондоном в 2 часа дня.

Мак, дюжий страж Королевского театра, обращенного своим золоченым фасадом на авеню, вылез своей стеклянной будки, чтобы снисходительным взором окинуть жизнь и ее явления. В это утро Мак чувствовал себя счастливым. Его работа была постоянной и не зависела от успеха или неудачи пьес, которые в течение года чередовались одна за другой. Вместе с тем, однако, он испытывал нечто вроде хозяйского интереса к этим случайностям и радовался, когда пьесы встречали успех у публики. Вчерашняя премьера оперетка американского композитора – несомненно, имела шумный успех, и Мак был доволен, потому что привязался к труппе и за короткое время знакомства с Джорджем Бэваном полюбил этого композитора, приехавшего из Нью-Йорка к постановке своей пьесы в Лондоне.

Джордж Бэван завернул за угол и медленно и, как показалось Маку, угрюмо направился к артистическому подъезду. Это был молодой человек около двадцати семи лет, высокий и хорошо сложенный, с приятным, гладко выбритым лицом, отличительной чертой которого были добрые и правдивые глаза. Углы его рта были опущены, и он казался утомленным.

– Здравствуйте, Мак, писем для меня нет?

– Есть, сэр. Несколько телеграмм.

Он скрылся в своей стеклянной будке.

Джордж Бэван остался на улице, глядя на резвящихся детей угрюмым взором. В них бил ключом радостный избыток молодости, который заставлял постороннего чувствовать себя, по крайней мере, шестидесятилетним стариком.

Сегодня что-то не клеилось у Джорджа. Обычно он любил детей, да и вообще он всем на свете был доволен. Он был добрым и веселым юношей, любящим жизнь и людей. У него не было врагов и было много друзей. Но сегодня, с того момента, как он встал с постели, он заметил, что ему чего-то недостает. Возможно, что его угнетала неудовлетворенность, обязанная своим происхождением его высоко утонченной душе. Возможно также, что это была реакция после возбуждений предыдущей ночи.

Наутро после премьеры чуткий служитель искусства всегда переживает такое состояние, точно он простоял под дулом револьвера. Да, кроме того, прошлой ночью, после представления, был ужин на квартире, которую комик из труппы снимал на Джермин-Стрит. Это был натянутый и шумный вечер, где собралось много усталых людей с напряженными нервами, которые считали своим долгом быть во что бы то ни стало веселыми.

Ужин продолжался до 4-х часов, когда появились утренние газеты с рецензиями, и Джорджу удалось лечь лишь в половине пятого. Все эти обстоятельства оказывают, несомненно, свое влияние на настроение.

Мак снова появился.

– Вот, сэр!

– Благодарю.

Джордж сунул телеграммы в карман. Кошка, возвращаясь после завтрака, остановилась около него, чтобы использовать его ноги в качестве салфетки. Джордж рассеянно пощекотал ее за ухом. Он всегда был любезен с кошками, но сегодня он проделал это движение небрежно, без всякого увлечения. Кошка продолжала свой путь.

Мак вступил в разговор.

– Я слышал, что пьеса имела большой успех вчера.

– Да, кажется.

– Моя жена смотрела ее с галереи, и все посетители премьеры ее очень хвалили. Вы знаете, сэр, у нас в Лондоне есть компания, которая смотрит все премьеры с галереи. Она всегда настроена очень критически, в особенности, если пьеса, как эта, американского происхождения. Если она им не нравится, они очень открыто дают об этом знать. Моя жена говорила о ней с большим одобрением; она говорит, что она давно не видела более оживленного представления, а нужно сказать, она ярая театралка. Она говорит, что всем особенно понравилась музыка.

– Это хорошо.

– «Морнинг Лидер» напечатал очень хорошую рецензию.

– Что пишут в остальных газетах?

– Они все напечатали блестящие отзывы. Я еще не видал вечерних газет. Я вышел, чтобы купить их.

Мак посмотрел вдоль улицы.

– Сегодня днем, я полагаю, будет репетиция. Вот идет мисс Дор.

Джордж посмотрел в том же направлении. Высокая девушка в синем костюме приближалась к ним. Даже на расстоянии бросалась в глаза ее жизнерадостность. Она осторожно пробиралась среди ребятишек, ползавших по тротуару. Она остановилась на мгновение и что-то сказала одному из них. Ребенок улыбнулся. Даже хозяин бакалейной лавки, заметив ее, казалось, расцвел улыбкой, точно при виде старого друга.

Билли была одной из хористок, участвовавших в оперетке Джорджа Бэвана. У нее было привлекательное лицо, рот, всегда готовый улыбаться, блестящие золотистые волосы (про которые она, в соответствии с истиной, настойчиво утверждала, что они не фальшивые, хотя их внешний вид и заставлял думать противоположное) и решительные голубые глаза. Последними она часто пользовалась, чтобы укрощать поклонников, становившихся особенно пылкими под влиянием ее волос. Взгляды Билли на представителей противоположного пола, когда эти последние забывались, были так же непреклонны, как взгляды лорда Маршмортона в отношении мошек. Она любила мужское общество и проявляла эту любовь на деле, завтракая и обедая с мужчинами, сохраняя, однако, свою независимость. И коль скоро мужчина недостаточно оценивал это обстоятельство, она напоминала ему о нем весьма решительно. Вообще, она была особой положительной и за словом в карман не лезла.

– Здравствуйте, Мак, есть для меня письма?

– Я сейчас посмотрю, мисс.

– Здравствуйте, Джордж, как вы себя чувствуете в этот ясный день?

– Чувствую слабость и плохо настроен.

– Это оттого, что вы просидели до 4-х часов утра за веселой пирушкой.

– Вы легли так же поздно, как и я, а между тем вид у вас, точно у ребенка после сладкого сна.

– Да, но я пила только имбирное пиво и не выкурила восемнадцати сигар. Тем не менее, мне кажется, что я старею. Ночные пирушки потеряли свою прелесть для меня. Я готова была уйти уже в час ночи, но это было бы не по-товарищески. Я, пожалуй, выйду замуж за фермера и на этом успокоюсь.

Джордж был изумлен. Он не ожидал, что здесь, в этом месте, его взгляд на жизнь найдет себе отзыв.

– Я как раз сам думал о том, – сказал он, чувствуя уже не в первый раз, насколько Билли отличалась от большинства тех, с которыми ему приходилось сталкиваться, благодаря своей профессии.

– Как все это плоско, я разумею театральную среду, эти надоевшие премьеры и вечеринки после представлений, которых нельзя избежать, – сказал он, – внутренний голос нашептывает мне, что с меня достаточно.

– Такая мысль приходит в голову всякому разумному человеку, связанному с театральным миром. Во всяком случае, я расстанусь с подмостками при первом удобном случае. Забавное это дело – театральное. Неожиданно попадаешь туда и уже там застреваешь. Вот я, например. Мне следовало бы повязать голову платком и доить коров. А вместо этого я очутилась в Лондоне и помогаю увеселять утомленных дельцов.

– Я не знал, что вы любите деревню, Билли.

– Я, видите ли, деревенское дитя. Мой отец заведовал оранжереями в Индиане, и мне известны наперечет названия всех цветов. Знаете ли вы, как я проводила первые вечера по приезду в Лондон? Я торчала в Ковент-Гардене и вдыхала аромат цветов.

– Вот где нам следовало бы быть прошлой ночью.

– О, да, мы тогда использовали бы лучше время. Скажите, вы не заметили ужасного субъекта, с которым мисс Бэб Синклер афишировала себя, когда вечер был в самом разгаре. Вы не могли не заметить его, так как он занял больше места, чем полагается любому мужчине. Его зовут Спенсер Грэй.

Джордж вспомнил, что его представили толстому мужчине его же возраста, который откликнулся на это имя.

– Это позор, – сказала Билли с возмущением. – Она – сущий ребенок. Это была первая пьеса, в которой она участвовала. Я случайно узнала, что в Нью-Йорке существует прелестный юноша, который безумно хочет на ней жениться. Я убеждена, что этот молодчик причиняет ей не мало забот. Неделю тому назад он пытался волочиться за мной, но я живо поставила его на свое место. Он, вероятно, думает, что Бэб доступнее. Разговоры с ней по этому поводу ни к чему не приводят. Она ослеплена им. Подождите, – продолжала она, – пока я просмотрю свою корреспонденцию. Держу пари, что половина из них – любовные записки. Я получила три между первым и вторым актом вчера вечером. Мне не понятно, почему знать и средний класс считают меня своей собственностью только потому, что у меня золотистые волосы, которые, к слову сказать, не фальшивы, и потому, что своим пением я честно зарабатываю себе на жизнь.

Мак удобно прислонил свои массивные плечи к дому и возобновил разговор.

– Я полагаю, что вы сегодня очень довольны, сэр.

Джордж задумался. Он, безусловно, чувствовал себя лучше с той минуты, как увидел Билли Дор, но он далеко еще не пришел в свое обычное настроение.

– Я должен бы быть довольным, но на самом деле это не так.

– Вы становитесь пресыщенным потому, что ваша пьеса имела большой успех в Америке. – Да, ее ставили в течение целого года в Нью-Йорке, а сейчас ее ставят в трех театрах.

– В этом-то и дело. Вы пресытились. На вашу долю выпало слишком много успеха.

Мак покачал головой.

– Вы не женаты, не правда ли?

Билли Дор, пробежав свои письма, смяла их в комочек и передала их Маку.

– Что вы сказали о браке?

– Я говорил мистеру Бэвану, что он пресыщен.

– Разве вы пресыщены, Джордж?

– Так утверждает Мак.

– А почему он пресытился, мисс? – спросил Мак риторически.

– Не спрашивай меня. Это не по моей вине.

– Это потому, что, как я уже говорил, мистер Бэван имел слишком большой успех, а также потому, что он не женат. Вы ведь сказали, что не женаты.

– Я не говорил, но это так.

– То-то и есть. Снимать пенки со сливок – быстро приедается, если некому за это хвалить. Когда я был холостым и мне случалось выиграть на скачках пару фунтов, мое радостное возбуждение быстро испарялось. Теперь же, если кто-нибудь из посетителей и дает мне пра-

вильные советы и, благодаря этому, подрабатываю, то половина удовольствия заключается в том, чтобы принести деньги домой, выложить их на кухонном столе, и чтобы жена потрепала меня по спине.

– Как же вы поступаете, когда проигрываете?

– Я ей не говорю, – возразил Мак простодушно.

– Вы, кажется, изучили искусство быть счастливым.

– Это не есть искусство, сэр. Это просто умение найти подходящую жену и иметь собственный домашний очаг, куда можно вернуться вечером.

– Мак, – сказала Билли, – вы совершенно правы, я сама стою за простую семейную жизнь.

Вы идете, Джордж?

– Я хочу достать вечерние газеты и отправить несколько телеграмм. Мы встретимся позднее.

Мак следил за спиной Джорджа, пока тот не повернул за угол.

– Славный, прекрасный господин, – сказал Мак. – Жалко, что на него напала хандра, после того, как он здесь имел такой шумный успех. Вероятно, это объясняется тем, что он артист.

Мисс Дор заглянула в свою сумочку и достала пуховку, которой принялась пудрить нос. – Мак, все композиторы со странностями. Они все делаются такими. Звуки джаз-банда им как будто бросаются в голову. Но, в общем, Джордж прекрасный человек и не позволяйте никому утверждать противное.

– Вы, мисс, давно знакомы с ним?

– Около пяти лет. Я была стенографисткой в издательстве, которое выпустило в свет его песни, когда впервые с ним встретила. Есть еще одна вещь, которую надо поставить Джорджу в заслугу. Успех не вскружил ему головы. Этот юноша зарабатывает бешеные деньги, его карманы набиты тысячедолларовыми билетами, но он остался совсем таким же, каким он был, когда я впервые познакомилась с ним и когда он рыскал по Бродвею в поисках счастливого случая, который помог бы ему втиснуть две-три песенки в первую попавшуюся старую пьесу, шедшую тогда на сцене.

Не догадываясь об этих похвалах, исходивших от человека, мнением которого он дорожил, и которые могли бы его ободрить, Джордж спускался по Шефтсбери-Авеню, чувствуя себя более угнетенным, чем когда-либо. Он шел, стараясь найти причину своего плохого настроения. Сегодня, как ему правильно заметил Мак, у него было все, чтобы быть счастливым. После того, как он завоевал такую популярность в Америке, здесь, в Лондоне, была впервые сыграна его пьеса, которая, несомненно, имела необычайный успех. И тем не менее, он не испытывал чувства удовлетворенности. Он дошел до Пикадилли и повернул на запад. Внезапно на него нашло просветление, и он понял все. Он был угнетен потому, что ему было скучно, а ему было скучно потому, что он был одинок. Мак, этот трезвый мыслитель, был прав. Решение проблемы жизни заключалось в том, чтобы полюбить подходящую девушку и иметь свой очаг. Он был слегка удивлен, что искал объяснения своей меланхолии в другом направлении. Это тем более было необъяснимо, что 80 % произведений, выпущенных им в течение своей музыкальной карьеры, заключали в себе именно эту мысль. Он впал в сентиментальное настроение. Ему казалось, что он одинок на этом свете, который превратился в бурлящий поток счастливых пар. Счастливые пары ежеминутно проносились мимо него в автомобилях. Проезжающие omnibusы кряхтели под тяжестью счастливых пар. Даже полисмен на противоположной стороне улицы улыбался кокетливой продавщице, которая также улыбнулась ему в ответ. Единственным существом женского пола в Лондоне, которое, казалось, не имело никакой привязанности, была девушка в коричневом, шедшая по тротуару медленным шагом, глядя вокруг себя, точно Пикадилли представляло для нее новое невиданное зрелище. Поскольку Джордж мог видеть, она была чрезвычайно красивой девушкой, невысокой и изящной, с гордо поса-

женной головкой и с живой походкой, свидетельствовавшей о ее цветущем здоровье. Она принадлежала как раз к тем девушкам, которых – Джордж чувствовал – он мог бы полюбить со всем пылом двадцати семилетнего человека, не растратившего своих сил на глупые любовные похождения. Но едва он стал представлять себя и ее героями романа, как наступила холодная реакция. Когда он остановился, чтобы полюбоваться девушкой, пробиравшейся через толпу, восточный ветер коснулся его шеи ледяными пальцами, и холод отрезвил его.

– «Эта девушка, – с горечью подумал он, – одна только потому, что идет на свидание с каким-нибудь отвратительным мужчиной». К тому же, у него не было никаких шансов, чтобы познакомиться с ней. Не можете же вы устремиться к красивой девушке на улице и сказать ей, что вы одиноки, т. е., конечно, вы можете это сделать, но это не приведет вас ни к чему другому, как к полицейскому участку. Уныние Джорджа еще усилилось. Он почувствовал, что родился слишком поздно. Оковы современной цивилизации сердили его. В средние века можно было предложить женщине быть ее рыцарем. Но XX век – время прозаичное, когда девушки – просто девушки и не испытывают никаких треволнений. Останови он эту девушку в коричневом, чтобы уверить ее, что его помощь и попечение к ее услугам, она, без сомнения, подозвала бы этого высокого полисмена, стоящего на перекрестке, и весь роман начался бы и окончился в течение полуминуты, а если полисмен двигался бы быстрее, – то и того меньше.

Лучше отогнать мечты и вернуться к практической стороне жизни, купив вечерние газеты у оборванной личности, которая только что сунула ему в лицо свежий номер газеты. В конце концов, рецензии остаются рецензиями, даже когда ноет сердце. Джордж поискал в кармане кошелек, ощутил пустоту и вспомнил, что оставил деньги в гостинице. Это как раз было то, что он мог ждать в такой день, как сегодня. Газетчик имел вид человека, который вел свое дело за наличный расчет. Оставалось только вернуться в гостиницу, отыскать деньги и постараться за едой забыть все заботы. Из гостиницы он сможет отправить две или три телеграммы, которые ему нужно было послать в Нью-Йорк. Девушка в коричневом была теперь совсем близко, и Джордж смог яснее всмотреться в нее. Вблизи она еще больше оправдала его ожидания. Будь она создана по его собственному заказу, она не могла бы быть более подходящей. Но вот она должна была исчезнуть из его жизни навсегда. Обуреваемый волнением Джордж кликнул таксомотор, который медленно двигался по дороге. И все припевы чувствительных песен, которые он когда-либо сочинил, зазвучали в его ушах, когда он сел в мотор.

«Проклятый мир, – размышлял он в то время, как мотор, проехав несколько сажен остановился, так как проезд был запружен. – Скучный и бестолковый мир, в котором нет никаких неожиданностей. Даже когда садишься в мотор, он останавливается и не хочет двигаться». В эту минуту дверца мотора открылась, и девушка в коричневом вскочила в него.

– Простите меня, – сказала она едва переводя дыхание, – только ради бога, скройте меня!

Глава III

Джордж не протестовал. Не теряя драгоценного времени на расспросы, он действовал быстро и умно при таких обстоятельствах, когда самый рассудительный человек рисковал бы утратить равновесие. Дело в том, что Джордж долгие годы был усердным игроком в гольф, а это лучшая школа, которая приучает к умению сосредоточиться и развивает способность к острой наблюдательности. Принято считать, что существует двадцать три важных правила, которые одновременно надо держать в уме за игрой в гольф, и для человека, который преодолел эту премудрость, труд сокрытия девиц в таксомоторах не более, чем дешевая игра. Спустить штору в автомобиле было для Джорджа делом одной минуты. Затем он высунулся из окна таким образом, что совершенно заслонил внутренность мотора от взоров публики.

– Как я вам благодарна, – проговорил голос позади него.

Джордж созерцал Пикадилли глазами, с которых спала пелена. Разум говорил ему, что он еще находится на Пикадилли. Вместе с тем, ему показалось невероятным, что это могла быть та самая улица, которую он за несколько мгновений до того подверг осуждению и нашел бесцветной и неинтересной. По правде говоря, она мало изменилась в своих основных чертах. То же количество праздных людей сновало туда и сюда. Здания по-прежнему производили такое впечатление, точно их не чистили со времен Тюдоров. Восточный ветер все еще продолжал дуть. Но в действительности Пикадилли совершенно изменилась. Раньше это просто была Пикадилли. Теперь же она превратилась в Золотую улицу города мечтаний, одну из важнейших артерий столицы волшебного царства фей. Розовый туман застилал глаза Джорджа.

Годы спали с него и в одно мгновение из брюзжащего старика он превратился в пылкого двадцатилетнего юношу, погруженного в мир весны, цветов и весело журчащих ручейков. Случилось невозможное. Небо ниспослало ему приключение, и ему было безразлично, даже если бы пошел снег. Вероятно, розовый туман, который застилал его глаза, помешал ему заметить быстрое приближение безукоризненно одетого юноши, в возрасте около двадцати одного года, который, в то время, как Джордж старался превратить мотор в спокойное убежище, спешно за кем-то гнался, с решительным видом, напоминая собой хорошо дрессированную ищейку. Только когда этот джентльмен, тяжело дыша, остановился в непосредственной близости от него, Джордж догадался об его существовании.

– Вы, сэр! – сказала ищейка, снимая блестящий цилиндр, отирая покрасневший лоб и снова водворяя на место сверкающий головной убор. – Вы, сэр!

Что бы ни говорилось о возможности любви с первого взгляда, – а Джордж сделался теперь убежденным сторонником этой теории, – не может быть никакого сомнения в том, что прямо противоположное явление случается зачастую. Так, после первого взгляда дружба с некоторыми людьми невозможна. Таким именно субъектом, по мнению Джорджа, и был этот бормочущий владелец шелкового цилиндра. Он соединял в своей персоне все черты, которые более всего ненавидел Джордж. Для молодого человека он был необыкновенно тучным и уже с двойным подбородком. У него были маленькие усики, которые в предубежденных глазах Джорджа производили жалкое впечатление. Лицо его было красным, а тон – повелительным. Джордж получил воспитание в Лауренсвеле и Гарварде, а впоследствии ему пришлось возвращаться в обществе самых выдающихся театральных антрепренеров Нью-Йорка, и он умел найтись при всяких обстоятельствах.

– Что вас укусило, молодой человек, – сдержанно спросил он, высовываясь немного более из мотора.

Рассыльный мальчик, два субъекта в изношенной одежде, отнюдь не занятые полезным промыслом, и продавщица остановились, чтобы наблюдать за этой сценой. Время не играло роли для этих убежденных любителей всяких зрелищ. Так как продавщица уже опоздала, то

не имело значения, если она еще задержится, рассыльному не предвиделось никакой работы, кроме одного поручения с надписью «очень важно», «срочно». Что же касается двух оборванцев – их единственной, непосредственной целью было пробраться к ближайшему трактиру и прислониться к его стене. Один из них, склонив голову на бок, произнес, «в чем дело», другой поднял валявшийся окурок сигары и закурил.

– Молодая девушка только что вошла в ваш автомобиль, – сказал полный юноша.

– Ничего подобного, – возразил Джордж, я все время находился в автомобиле и наверное бы это заметил.

В этот момент движение экипажей возобновилось, и автомобиль, быстро отъехав на расстояние пяти-десяти ярдов, снова принужден был остановиться. Джордж, высунувшись, подобно улитке из окна, развлекался видом погони. Охота продолжалась. Юноша действовал совершенно так же, как действовала бы послушная ищейка при подобных обстоятельствах, разве только с той разницей, что он не закидывал головы кверху и не лаял. Он пустился в быстрый галоп, сопровождаемый добровольными спутниками. Принимая во внимание, что молодой человек был очень толст, что рассыльный мальчик считал, что поспешность не свойственна его профессии, а у продавщицы возникли сомнения, подобает ли леди бежать сломя голову и что оба представителя богемы так же не торопились, нужно сказать, что кавалькада двигалась не особенно быстро. Мотор все еще стоял, когда его настиг весь отряд.

– Вот он, – сказал рассыльный мальчик, стирая пот со лба срочным пакетом.

– Вот и он, – сказал не курящий представитель богемы.

– Я здесь, – приветливо согласился Джордж, – чем могу вам служить?

Курящий одобритительно сплюнул на проходившую мимо собаку, очевидно, считая ее наиболее подходящим местом для плевка. Уже давно ему не было так весело. В скучном мире, в котором ощущался недостаток джина и было слишком много полисменов, в мире, где бедные были угнетены и редко могли спокойно наслаждаться сигарой без того, чтобы им не наступали на ноги, – в этом мире в данную минуту он почувствовал себя довольным, счастливым и чего-то ожидающим. Драка между джентльменами! Из всех событий, которые его интересовали, именно такую драку он причислял к наиболее занимательным. Продавщица заметила знакомую в толпе. Она позвала ее.

– Модди, иди сюда. Скорее. Здесь сейчас происходит нечто интересное.

Модди, сопровождаемая приблизительно еще дюжиной прохожих, увеличила собой число зрителей. Все они принадлежали к разряду людей, которые всегда собираются вокруг шофера и молчаливо следят за тем, как он исправляет шину. Они терпеливы. Они не требуют быстрых и непрерывных чередований событий. Простого отверстия в земле, которое из всех видов зрелищ, быть может, наименее ярко и драматично, достаточно, чтобы приковать их внимание на несколько часов. Они вперили свои взоры в Джорджа и его мотор. Они не знали, что случилось и когда произойдет событие, но у них было твердое намерение дожидаться этого события. Пускай это будут годы или даже вечность, но они решили не отходить, пока оно не наступит. Разного рода догадки слышались в толпе.

– Что случилось?

– Несчастный случай.

– Нет, джентльмена обокрали.

– Два джентльмена подрались.

– Малый обманул шофера.

Какой-то скептик высказал совсем уже циничную мысль:

– Это делается для кинематографа.

Эта идея мгновенно приобрела популярность.

– Это фильм. Оператор скрыт в моторе.

– Что же будет дальше?

Один из зевак, с красным носом, вооруженный лотком с запонками, направил мысли в другую сторону. Он говорил решительно, как человек, пользующийся авторитетом.

– Ничего подобного, толстяк выпил лишнего, и это ему бросилось в голову! Шофер, который до сих пор величаво игнорировал волнение низшего класса, внезапно стал любознательным.

– В чем дело? – спросил он, обернувшись и обращаясь к высунутой голове Джорджа.

– Я сам как раз хотел бы это узнать, – ответил Джордж. Он указал на продавца запонок.

– Кажется, у этого джентльмена самое правильное объяснение.

Полный юноша, странное поведение которого вызвало такое лестное внимание со стороны толпы и который, казалось, был весьма смущен этим, громко пыхтел в течение предыдущего разговора. Теперь же, достаточно собравшись с духом, чтобы возобновить атаку, он снова обратился к Джорджу:

– Разрешите вы мне, черт возьми, заглянуть в ваш автомобиль. В нем находится барышня. Я видел, как она вошла. Я следил все время. Она не выходила. Значит, сейчас она там. Джордж кивнул в знак одобрения такому правильному образу мыслей.

– Ваш аргумент безошибочен. Но что же дальше? Я преклоняюсь перед вашей логикой. Но каковы будут ваши действия?

– Прочь с дороги!

– Я не уйду.

– Тогда я насильно войду.

– Если вы только осмелитесь, я вам дам по физиономии.

Полный юноша отступил на шаг назад.

– Вы не посмеете этого сделать!

– И все же я это сделаю. На этом свете, дорогой сэръ, мы должны быть готовы ко всякого рода случайностям. Мы должны отличать необычайное от невозможного. Было бы необычным, чтобы незнакомец высунулся из окна автомобиля и потрепал вас, но вы строите ваши планы на предположении, что это невозможно. Пусть же это будет уроком для вас. Я вам скажу, в чем дело. Совет, который я даю каждому юноше, вступающему в жизнь, это никогда не смешивать необычное с невозможным. Возьмите, например, данный случай! Если бы вам пришло в голову, что может случиться так, что кто-то, когда-либо захочет вас ударить в то время, когда у вас явится охота залезть в автомобиль, вы тогда придумали бы дюжину хитроумных планов как вам поступить в этом случае. Сейчас же вы не подготовлены. Вы были застигнуты врасплох, и молва облетит клубы: «Бедный такой-то лишен способности владеть собою».

Тут он прервал разговор не потому, что ему больше нечего было сказать, но потому, что полный юноша внезапно подскочил к дверце автомобиля и, схватив ее за ручку, распахнул бы ее, если бы Джордж не стал действовать со всей быстротой и решительностью, которые характеризовали его поведение с самого начала. Положение требовало энергичных действий. Если бы он позволил нападающему свободно обращаться с ручкой или даже вступил с ним в борьбу за обладание ее, тогда он рисковал бы, что дверца откроется и обнаружит присутствие девушки. С другой стороны, дать молодому человеку пощечину, как это было обещано, не было в его глазах политической мерой. Каким бы превосходным сдерживающим стимулом ни была такая угроза, нельзя было и думать о действительном ее осуществлении. Тюрьма, куча неприятностей, судебное преследование за обиду ждут тех, которые вступают в драку в публичном месте. Нет! Требовалось нечто быстрое, решительное и внезапное. Джордж размахнулся и сбросил цилиндр с головы юноши. Действие было магическим. У всех нас есть своя Ахиллесова пята и как это ни парадоксально, у полного юноши этой пятой был его головной убор. Великолепно изготовленный единственным мастером в Лондоне, умеющим выделывать цилиндры, которые на самом деле суть цилиндры, и вновь вытуженный любящими руками всего час тому назад в единственной мастерской, где глажение есть глажение, а не грубая атака, он был его гордостью

и радостью. Потеря его была равносильна потере брюк. Ему показалось, что в его туалете образовался серьезный пробел. С диким криком, подобным крику дикого животного, у которого отняли детеныша, он выпустил ручку и бросился за цилиндром. В то же самое время движение экипажей возобновилось снова. Последнее, что видел Джордж, была группа людей, центром которой был полный юноша. Цилиндр покатился по мостовой, где был подхвачен рассыльным мальчиком. Полный юноша, получив цилиндр, гладил его нежной рукой. Джордж находился на слишком далеком расстоянии, чтобы он мог что-либо услышать, но ему казалось, что юноша нашептывает ласковые слова своему цилиндру. Затем, надев его на голову, он пустился в путь и исчез из виду. Зрители оставались неподвижными, устремив взоры на место происшествия. Они так оставались бы и дальше, если бы ближайший полисмен не подошел и не заставил их разойтись. Любезно помахав рукой в знак прощания на тот случай, если кто-либо из толпы смотрел в его направлении, Джордж отодвинулся от окна и сел. Девушка в коричневом поднялась с пола, если только она когда-либо там находилась, и теперь спокойно уселась с другой стороны автомобиля.

Глава IV

– Ну вот и прекрасно!

– Я вам так обязана, – ответила девушка.

– Мне это только доставило удовольствие, – возразил Джордж. Он теперь имел большую возможность рассмотреть вблизи и не спеша девушку, попавшую в беду. Мелкие подробности, которые расстояние скрыло от него, в то время, когда он увидел ее впервые, теперь сразу открылись ему. Ее глаза, показавшиеся ему коричневыми, были такими по первому впечатлению. В них мелькали привлекательные золотые искорки, и они замечательно подходили к золотистым волосам, которые осветило солнце, вновь появившееся в одно из своих мимолетных посещений, еще раз послав миру свои кроткие лучи. У нее был энергичный подбородок, но этой энергичности противоречила ямочка на щеках, а приветливая форма рта дополнялась носом, который как бы родился с намерением иметь достойный аристократический вид, но изменил своей цели, образовав в конце легкий изгиб. Это была девушка, которая охотно пошла бы на риск, с улыбкой на лице, и смеялась бы в случае неудачи. Чем больше он смотрел на девушку, тем меньше он постигал сцену, которая только что произошла. Он терялся в догадках. Несмотря на ее приветливое лицо, в ней было нечто такое, что обнаруживало ее способность дать отпор, почему он и не мог себе представить, чтобы какой-либо мужчина отважился позволить себе с ней вольности. Ее золотисто-коричневые глаза, при встрече с ним, дружелюбно улыбались, но он легко себе представлял, что они могли принять леденящее и мрачно-высокомерное выражение, способное усмирить одним взглядом мужчину, подобного юноше в цилиндре. Каким же образом этому откормленному субъекту удалось напугать ее в такой степени, что она вынуждена была прибегнуть к защите чужого автомобиля? Правда, в данную минуту она была вполне спокойна, но было очевидно, что в тот момент, когда она вошла в таксомотор, ее спокойствие временно ей изменило. Тут была тайна выше его понимания. Оба обменялись взглядами. Это продолжалось не более десяти секунд. Ему показалось, что она изучает его и составляет себе о нем мнение. Что осмотр оказался удовлетворительным, доказывало то, что под конец она улыбнулась. Затем раздались ясные и звучные раскаты ее смеха, и эти звуки показались Джорджу гораздо музыкальнее, чем самая популярная из всех песен, которую он когда-либо сочинил.

– Я полагаю, что вас изумляет все то, что здесь произошло?

Действительно, Джордж размышлял над этим самым тщательным образом.

– Совсем нет, – возразил он, это не мое дело.

– Я понимаю, вы слишком хорошо воспитаны, чтобы вмешиваться в чужие дела.

– Разумеется. Но в чем же дело?

– Боюсь, что я не сумею вам объяснить.

– Но что же мне сказать шоферу?

– Не знаю. А что обычно говорят мужчины шоферам?

– Я полагаю, что он будет обижен, если я не дам ему исчерпывающего объяснения. Он сейчас только наклонился со своего сиденья, чтобы произвести расследование. Такая любезность заслуживает признательности.

– Дайте ему хорошо на чай.

Это напомнило Джорджу причину, из-за которой он находился в автомобиле.

– Я должен был спросить вас раньше, – сказал он, куда вас отвезти?

– О, я не хочу похитить ваш автомобиль! Куда вы направлялись?

– Я возвращался в свою гостиницу. Я вышел, не захватив с собой денег, так что принужден вернуться за деньгами.

Девушка вздрогнула.

- В чем дело? – спросил Джордж.
- Я потеряла свой кошелек!
- Боже мой, в нем было много денег?
- Не очень много, но достаточно, чтобы оплатить обратный билет домой.
- Позволительно ли спросить, где находится ваш дом?
- Боюсь, что нет.
- Я, конечно, и не собирался. Конечно, нет!
- Поэтому-то я так восхищаюсь вами. Вы не любопытны.

Джордж задумался.

– Единственное, что нам остается сделать, это следующее. Вам придется подождать в автомобиле у гостиницы, пока я пойду за деньгами. Затем, если вы позволите, я вам дам взаймы сколько вам понадобится.

– Вы очень добры. Могли ли бы вы дать мне одиннадцать шиллингов?

– Охотно. Я только что получил наследство.

– Конечно, если вы полагаете, что мне следует быть экономной, я поеду третьим классом. Это ведь будет стоить пять шиллингов. Десять шиллингов, шесть пенсов стоит билет первого класса. Вам, таким образом, ясно, что место, куда мне нужно поехать, в двух часах езды от Лондона.

– По крайней мере, мне известно хоть что-нибудь.

– Но немного, не так ли?

– Я думаю, что лучше всего одолжить вам соверен. Вы тогда смогли бы купить по дороге завтрак.

– Вы обо всем заботитесь. Я умираю с голода. Но откуда вы знаете, что получите деньги обратно?

– Я рискну.

– В таком случае, позвольте полюбопытствовать и спросить ваше имя, иначе я не буду знать, кому отослать деньги.

– О, меня не окружает никакая таинственность. Я – открытая книга.

– У вас нет оснований жалеть об этом. Не моя вина, если я вам кажусь загадочной.

– Я и не подумал об этом. По крайней мере, это так показалось.

– Но кто же мой благодетель?

– Меня зовут Джордж Бэван. Я живу в «Карлтоне».

– Я запомню.

Таксомотор медленно подвигался по улице. Девушка засмеялась.

– В чем дело? – спросил Джордж.

– Я думаю о том, что произошло. Знаете, я вас далеко недостаточно поблагодарила за все то, что вы сделали. Вы меня изумили.

– Я очень рад, что мог быть вам полезен.

– Но что же на самом деле произошло?

– Вы должны вспомнить, что я ничего, кроме вашей спины, не могла видеть и я очень неясно слышала.

– Все началось с того, что какой-то мужчина настиг меня галопом и уверял, что вы вошли в автомобиль. Это был человек, похожий на рекламу средства от полноты до его приема и с манерами круглохвостого шимпанзе.

Девушка кивнула головой. – В таком случае, это был Перси. Я знала, что не ошибаюсь.

– Перси?

– Это его имя. Что произошло после?

– Я старался разубедить его, но мне это не удалось и, в конце концов, он схватил ручку дверцы. Тогда я сбросил с него цилиндр, и, пока он отыскивал его, мы двинулись и спаслись.

Снова послышались звуки серебристого смеха девушки.

– Как жалко, что мне не было видно. Но как вы умеете найтись при всяких обстоятельствах.

– Как вам пришло это в голову?

– Так, просто, – скромно сказал Джордж.

Ее лицо приняло серьезное выражение. Глаза перестали улыбаться. Она вздрогнула.

– Когда я подумаю, как некоторые мужчины поступили бы на вашем месте...

– Нет, каждый сделал бы то же, что и я. Несомненно, сбросить шляпу Перси было актом вежливости, который всякий совершил бы автоматически.

– Подумайте, вы могли бы оказаться тупицей, который прежде, нежели предпринять что-либо, приступил бы к расспросам. Как хорошо, что мне посчастливилось во всем Лондоне столкнуться именно с вами!

– Я на это дело смотрю, как на счастливый случай, но исключительно с моей личной точки зрения.

Она положила маленькую ручку ему на плечо и сказала серьезно.

– Мистер Бэван, из того, что я много смеялась и как будто отнеслась ко всему этому, как к милой шутке, вы не должны заключить, что не спасли меня от действительной неприятности. Было бы ужасно, если бы вы не оказались там и не действовали с таким присутствием духа.

– Но если этот молодчик приставал к вам, вы, конечно, могли позвать полисмена.

– О, нет, ничего подобного не было. Это было гораздо, гораздо хуже. Но я не должна продолжать в том же духе. Это было бы нечестно по отношению к вам.

Ее глаза снова загорелись прежней сияющей улыбкой. – Я знаю, что вы не испытываете никакого любопытства ко мне. Но у меня нет уверенности в том, что оно не возникнет, если я буду продолжать окружать себя таинственностью. И самое глупое это то, что никакой тайны нет. Я просто не могу ни с кем этим поделиться. Этот самый факт включает в себе все признаки настоящей тайны. Я хочу только сказать, что я не переодетая принцесса, пытающаяся скрыться от анархистов или нечто вроде того, что читаешь в книгах. Я просто нахожусь в неприятном положении. Вам бы наскучило до смерти, если бы я вам сказала в чем дело.

– Рискните!

Она покачала головой.

– Нет! Впрочем, вот мы и приехали.

Автомобиль остановился у гостиницы, и швейцар уже открывал дверцу.

Если вы не раскаиваетесь в вашем опрометчивом предложении и будете добры дать мне в долг эти деньги, то, пожалуйста, достаньте их поскорее, потому что я очень спешу. Сейчас я как раз могу попасть на ближайший поезд, ждать же следующего целая вечность.

– Подождите меня здесь, я буду обратно через мгновенье.

– Отлично.

Последним впечатлением, которое осталось у Джорджа об этой девушке, была одна из ее веселых улыбок, так как, вернувшись не более, чем через две минуты, он не нашел ни автомобиля, ни девушки. Мир опустел. Пораженный этим неожиданным горем, Джордж получил от швейцара информацию, переданную в снисходительном тоне:

– Молодая леди велела шоферу ехать дальше.

– Велела ехать дальше?

– Почти тотчас же после того, как вы ушли, села в автомобиль и велела ехать к Ватерлооскому вокзалу.

Джордж ничего мог сообразить. Его поза выражала молчаливое недоумение. Он продолжал бы так стоять до бесконечности, если бы его внимание не было отвлечено повелительным голосом, раздавшимся в непосредственной близости: «Вы, сэр, черт возьми!» Подъехал второй таксомотор, и из него выскочил полный юноша с багровым лицом. Джорджу все стало ясно.

Погоня возобновилась. Ищейка напала на след. Перси вновь появился! Впервые после того, как он узнал об ее бегстве, Джордж был доволен, что девушка исчезла. Он слишком быстро вычеркнул Перси из списка предметов, имеющих значение. Озабоченный собственными мыслями и приняв последнюю стычку за решительный бой, после которого сторонам уже не удастся собраться с новыми силами, он проглядел возможность преследования его и девушки в другом автомобиле со стороны этой надоевшей и ненужной личности, а это между тем как раз при запруженном и медленном движении было крайне просто. Юноша был здесь, в явно приподнятом настроении, и с гораздо более высоким давлением крови, чем то, которое могло бы вызвать одобрение со стороны его врачей. Приходилось начинать дело сызнова.

– Итак... – сказал полный юноша.

Джордж бросил на него критический и недружелюбный взгляд. Ему был противен этот откормленный выродок. Рассматривая его со всех сторон, он не мог в нем найти ни одной точки, которая доставила бы ему удовольствие, за исключением вида его цилиндра, на одной стороне которого он с радостью заметил большую и безобразную складку.

– Вы воображаете, что отделались от меня, что вам удалось скрыться от меня. Вы ошиблись.

Джордж хладнокровно посмотрел на него.

– Я знаю, в чем дело. Вас кто-то перекормил мясом.

Молодой человек вскипел от бешенства. Его лицо побагровело еще сильнее. Он стал жестикулировать руками.

– Вы негодяй! Где моя сестра?

При этих неожиданных словах, Джордж почувствовал головокружение. Эти слова заставили его внезапно переоценить положение. До этого момента он смотрел на этого человека, как на преследователя девиц. Ему совсем не приходило в голову, что последний мог иметь какие-либо права со своей стороны. Он был потрясен. Ему показалось, что почва уходит у него из-под ног.

– Ваша сестра?

– Вы слышали, что я сказал! Где она?

Джордж все пытался собраться с мыслями. Он чувствовал себя в глупом положении и испытывал желание оправдаться. Он вообразил, что неотразим в своей правоте, а между тем оказалось, что он неправ. На мгновение им овладело почти примирительное настроение. Однако, воспоминание о тревоге, охватившей девушку, и о ее намеках на угрожающую ей неприятность, вероятно, вследствие вмешательства этого мужчины – брата ее или нет – остановило его. Он не знал причины ее тревоги, но одно ему было ясно в этом потоке событий: девушка нуждалась в его помощи. На чьей бы стороне ни было право, он был ее соучастником и должен был действовать, как таковой.

– Я не знаю, о чем вы говорите, – сказал он.

Молодой человек приблизил к его лицу большой кулак, облеченный в перчатку. Внезапно в эту бурную сцену ворвался восхитительный, глубокий и успокоительный голос:

– В чем дело?

Огромный полисмен неожиданно вырос из-под земли перед ними. Он стоял рядом с ними, как живая статуя бдительной власти. Один палец непринужденно покоился на его широком поясе. Пальцы другой руки слегка ласкали усы, которые причинили гораздо больше сердечных ран прекрасному полу, чем какая-либо другая пара усов в этом квартале. Глаза над усами были суровы и вопрошающи.

– В чем дело?

Джордж любил полисменов. Он умел с ними ладить. В его голосе, когда он ответил, слышалась именно та правильная нотка почтительного уважения, которая нравится власти.

– Я ничего не могу понять, – сказал он с таким видом, точно в минуту опасности обрел старшего ласкового брата, готового вывести его из затруднений.

В результате, констебль превратился тотчас же в его союзника.

– Я стоял здесь, когда этот человек неожиданно совершил на меня это необычное нападение. Мне бы хотелось, чтобы вы попросили его удалиться.

Полисмен хлопнул полного юношу по плечу.

– Это не годится, сказал он сурово. – Здесь это не полагается.

– Руки прочь! – воскликнул Перси.

Олимпийское чело нахмурилось. Юпитер извлек свои громовые стрелы. – Эй, эй – сказал он шокированным тоном бога, которому смертный бросает вызов.

Его пальцы снова коснулись плеча Перси, но на этот раз отнюдь не в виде только предупредительного и легкого прикосновения. Остановившись там, куда они попали, они превратились в железные объятия.

– Такого рода вещи недопустимы, – сказал он.

Бешенство охватило полного юношу. Самая простая осторожность и полученное им заботливое воспитание спали с него, подобно одежде. Испустив несвязный вой, он изогнулся и нанес полисмену сильный удар в живот.

Ах! – воскликнул оскорбленный констебль, внезапно превратившись в смертного. Его левая рука отделилась от пояса, и он деловито схватил своего противника за воротник.

– Отлично! Вы последуете за мной!

Поразительно, в какой невероятно короткий промежуток времени произошло это событие. В течение одной минуты Джорджу показалось, что он очутился в самой гуще неприятной свалки и притом в одном из самых многолюдных пунктов Лондона. В следующее мгновение фокус переместился.

Джордж утратил всякое значение, и внимание всех всецело приковалось к стороне нападающей, которую десница закона направляла на путь, ведущий к полицейскому участку на Вайн-Стрит, не раз протоптанный многими другими. Джордж следил за парой, шедшей по улице и сопровождаемой все растущей толпой. Затем он вернулся в гостиницу.

Глава V

Джордж проснулся на следующее утро с неясным чувством, точно мир каким-то образом изменился. Как только его покинули объятия Морфея, он почувствовал какое-то неопределенное возбуждение. Затем он мигом присел на постели. Он вспомнил, что был влюблен. Не было никаких сомнений в этом. Удивительное чувство счастья охватило все его существо. Он почувствовал себя молодым и полным энергии. Все было к лучшему в этом лучшем из миров. Солнце сияло. Даже, когда он слышал, что кто-то на улице напевает одно из его старых произведений, которое уже год тому назад наполнило бы его чувством болезненного отвращения, теперь звуки эти ласкали его слух, несмотря на то, что у незримого певца была плохая музыкальная память.

Джордж легко спрыгнул с постели и открыл кран в ванне. Пока он покрывал лицо мыльной пеной для бритья, он посмотрел на себя в зеркало. Она пришла, наконец, истинная любовь. Джордж никогда раньше не был влюблен по-настоящему. Правда, начиная с пятнадцатилетнего возраста, он в той или иной степени испытывал сентиментальное влечение к противоположному полу. На самом деле, в тот период своей жизни, когда ему было семнадцать лет, он влюблялся в каждую женщину, с которой сталкивался, и в целую дюжину, которую видел лишь на расстоянии. Но зрелые годы отрезвили его и лишили этой прекрасной романической универсальности. За последние пять лет он более или менее равнодушен к женщинам. Сама природа его профессии в большей степени подействовала на охлаждение его чувств. Для человека, время которого, как у Джорджа, всецело поглощено творением музыкальных комедий, женщина начинает терять много тех привлекательных черт, которыми обольщаются обыденные мужчины. Джорджу позднейших годов стало казаться, что самая характерная черта у женщины была ее склонность брыкаться. В течение пяти лет он вращался в мире женщин, многие из которых были прекрасны. Однако, они не оставили после себя других воспоминаний, кроме того, что сильно и многократно брыкались. Одни – из-за исполнения своих музыкальных номеров, другие из-за своих любовных историй. Некоторые ворчали из-за того, как они должны были держаться при уходе со сцены, другие из-за туалетов во втором акте. Они брыкались с бесконечным разнообразием, со злостью, кротко, шумно, мягко, с улыбкой, со слезами, трогательно и покровительственно, но решительно все брыкались. В результате, женщина для Джорджа превратилась не в пламенное вдохновение или нежную богиню, но в нечто такое, чего надлежит избегать и, если возможно, то с тактом, если же нет, то путем явного бегства. Уже многие годы он боялся оставаться с женщиной наедине и выработал привычку быстро ускользать, когда замечал, что какая-либо из них пытается сблизиться с ним. Не трудно вообразить психологическое следствие такого положения вещей. Представьте себе сумасброда или человека, которым владеет страсть к донкихотству, или человека с поэтическим чутьем, и заставьте его в течение пяти лет сдерживать свои порывы. Получится такой избыток безрассудства, который можно сравнить разве только с газом, вырывающимся из закрытого помещения, или с подвалом, наполненным динамитом: чиркните спичкой, и произойдет взрыв! Бурное вторжение девушки в его жизнь воспламенило Джорджа. Ее сверкающие, смотревшие на него глаза пробудили его врожденные чувства, которые он так долго хранил в запасе. Тысячами кусков взлетели на воздух благоразумие и сдержанность, владевшие им до сих пор. Он оказался так же безнадежно влюбленным, как любой средневековый трубадур. Только, когда он окончил бриться и пробовал пальцами ног температуру ванны, его внезапно осенила мысль, что, хотя он и был влюблен, однако, не следовало забывать, что путь любви усеян гораздо большим числом препятствий, чем любая площадка для гольфа, на которой ему довелось когда-либо играть. Во-первых, он не знал имени девушки, во-вторых, казалось совершенно несбыточным, что он еще когда-либо с ней встретится. Даже в разгаре оптимизма Джордж не мог отрицать того, что

эти обстоятельства, следуя благоразумию, нужно расценивать не иначе, как серьезные препятствия.

Он вернулся в спальню и сел на кровать. Надлежало как следует обдумать положение. Он не чувствовал себя угнетенным, он лишь немного задумался. Его поддерживала вера в счастье. Потерпеть сейчас неудачу, допустить, чтобы девушка исчезла из его жизни только потому, что он не знал, кто она такая или где обретается, это значило бы заслужить репутацию неудачного искателя приключений. Нельзя было во всем полагаться на счастье, надо было собственными усилиями прийти ему на помощь. Но какими сведениями он располагал? Правда, немногими, если уже дело дошло до этого; разве только ему известно было, что она жила где-то в двух часах езды поездом от Лондона, и путь ее начинался с вокзала Ватерлоо. Как бы поступил Шерлок Холмс в таком случае? Сосредоточение мысли не давало никакого ответа на вопрос. И именно на этом вопросе розовый оптимизм покинул его и сменился серым унынием. Страшная мысль распяляла его и сверлила его мозг. «Корабли, которые проплывают ночью!»

Эта встреча могла легко принять такой же оборот. Обдумывая всесторонне это дело, в то время, как он вытирался после ванны, он никак не мог решить, какой мог быть другой исход. Он одевался в дурном расположении духа и вышел из комнаты, чтобы спуститься к завтраку. Завтрак – он надеялся, по крайней мере облегчит это тяжелое чувство, которое отнимало у него мужество. Одна-две чашки кофе придадут бодрость его мыслям. Он открыл дверь. На коврике, снаружи, лежало письмо. Почерк был женский и незнакомый. Оно было написано карандашом. Он вскрыл конверт. Оно начиналось с «дорогой мистер Бэван». С внезапным биением сердца он посмотрел на подпись. Письмо было подписано «Девушка в автомобиле».

«Дорогой мистер Бэван. Надеюсь, что Вы не сочли меня слишком невоспитанной за то, что я удрала, не попрощавшись. Я вынуждена была поступить таким образом. Я видела Перси, подъезжавшего в автомобиле, и поняла, что он проследил нас. Он меня не видел, так что мне вполне удалось ускользнуть. Я прекрасно устроилась с деньгами, так как вспомнила, что на мне была дорогая брошка, и остановилась по дороге на вокзал, чтобы заложить ее. Еще раз благодарю Вас за Вашу изумительную доброту.

Ваша девушка в автомобиле».

Джордж дважды прочел записку по дороге в ресторан и еще три раза во время завтрака. Затем, препоручив ее содержание, до последнего знака препинания, своей памяти, он предался пылким мечтам. Что за девушка! Он в жизни не встречал еще женщины, которая могла бы написать письмо без постскриптума, и это было самое меньшее из ее необычайных дарований. Какую находчивость она проявила, догадавшись заложить брошку. Какая любезность с ее стороны послать ему записку. Более, чем когда-либо он убеждался, что он отыскал свой идеал. Он окончательно решил, что такой пустяк, как то, что он не знал ее имени и адреса, не должен разлучить их. У него ведь была исходная точка. Он знал, что она жила в двух часах езды от Лондона и отправлялась с вокзала Ватерлоо. Это чрезвычайно облегчало поиски. Ведь она могла проживать лишь в одном из трех ближайших графств и нужно быть ничтожным человеком, чтобы не отыскать в нескольких мелких графствах любимую девушку, особенно, если счастье так покровительствует ему.

Счастье – это богиня, которую нельзя приневолить и заставить насильно дарить своим расположением тех, кто домогается ее благосклонности. От таких властных натур она отворачивается. Но, если, мы протягиваем к ней руку со смиренной надеждой маленького ребенка она проникается жалостью к нам и не покидает нас в часы испытаний.

Джорджу, который лелеял надежду дождаться чего-то из ряда вон выходящего, она почти тотчас же улыбнулась. Когда Джордж завтракал один, то обычно, чтобы рассеять тоску, принимался за чтение одной или нескольких вечерних газет. Сегодня, сидя в одиночестве за столом в ресторане на Пикадилли, он вооружился «Ивнинг-Нью». Одной из первых статей, бросившихся ему в глаза, была статья, напечатанная в отделе, посвященном юмористическим замет-

кам в прозе и стихах о дневных происшествиях. Автор, очевидно, счел достойным занести одно из них на столбцы газеты. Оно было озаглавлено:

«ПЭР И ПОЛИСМЕН»

Ходит слух, что у гостиницы «Карлтон» имело место происшествие огромного интереса. Было около половины третьего. День был ясен, небо голубое, все дышало спокойствием, как вдруг безукоризненно одетый джентльмен, в пылу спора, стал наносить оскорбления другому, также безукоризненно одетому джентльмену. Он замахнулся на него рукой, обтянутой замшевой перчаткой. Неизвестно, какая произошла бы катастрофа, если бы на сцене не появился любимец старого Лондона в лице полисмена, бляха 231.

– Что значит ваше поведение? Прошу прекратить, – воскликнул этот достойный восхищения хранитель порядка, опуская предохраняющую длань на плечи скандалиста. Нам хотелось бы обойти молчанием остальное, не представляющее интереса легкой шутки. Одно воспоминание о том, что произошло, заставляет наши чернила бледнеть. Будем кратки. Какой-то демон помрачил рассудок безукоризненно одетого джентльмена. Он ударил полисмена как раз по тому месту, где последний хранил свой завтрак. Констеблю ничего не оставалось, как отвести его в участок. В участке на Вайн-Стрит выяснилось, что имя преступника – лорд Бельфер. Но британское правосудие одинаково строго карает как пэра, так и нищего. Незыблемой рукой держит оно свои весы. Крупный денежный штраф, взамен тюремного заключения, заставит лорда Бельфер испытать раскаяние и узнать, что он не должен награждать тумачами представителей власти.

Баранья котлета Джорджа застыла нетронутой на тарелке. Жареный картофель, приготовленный по-французски, стал холодным. Время было не для еды. Он был прав, когда положился на свое счастье. Оно благородно постояло за него. Имея в руках исходную нить, ему оставалось лишь отправиться в ближайший книжный магазин и порыться в адресном справочнике. Он заплатил по счету и ушел из ресторана. Десять минут спустя, он с жадностью поглощал много сулящие сведения о том, что Бельфер – это фамильное прозвище графа Маршмортона, что у теперешнего графа имеется единственный сын – Перси Вильбрагам Марш, получивший воспитание в Итоне и Оксфорде, и т. д., о чем справочник сообщал со свойственной ему краткостью, и дочь – Патриция Мод. Местопребывание семьи – замок Бельфер.

Несколько часов спустя, сидя в купе первого класса, в поезде медленно выезжавшем с вокзала Ватерлоо, Джордж следил за исчезающим позади него Лондоном. В кармане, ближайшем к его трепещущему сердцу, находился билет в Бельфер, но не «обратно».

Глава VI

Почти в то же время, когда поезд, с которым ехал Джордж, покидал Ватерлоо, серый гоночный автомобиль, скрипя тормозом и обдавая песком, подъезжал к главному подъезду замка Бельфер. Стройный и элегантный юноша снял автомобильные очки и обратился к полному юноше, сидевшему около него. «2 часа и 18 минут от угла Гайд-Парка. Не очень запылились!» Его спутник не отвечал. Казалось, что он был погружен в думу. Он тоже снял автомобильные очки, открывая цветущее, но угрюмое лицо, украшенное, в дополнение к обычным чертам, маленькими усиками и двойным подбородком. Он мрачно нахмурился на прелестный вид, который прежде скрывали от него автомобильные очки. Замок Бельфер вздымался перед ним к ярко-синему небу своей стройной массой из серого камня и зеленого плюща. С обеих сторон на всем протяжении, которое мог охватить глаз, развертывался парк, там и сям покрытый фиалками, усеянный высокими дубами, ясенями и каштанами, чинный, мирный и истинно-английский. Ближе, по левую его сторону, были разбросаны цветники роз, в центре которых показалась наклонённая под острым углом пара бархатных штанов, хозяин которых, по-видимому, был занят охотой на улиток. Дрозды распевали свои песни в зеленом кустарнике, грачи перекликались в вязах. Откуда-то издали доносились звуки овечьих колокольчиков и мычанье коров. Казалось, что этот ландшафт, озаренный вечерним солнцем после прекрасного весеннего дня и освежаемый мягким западным ветром, должен был действовать, как бальзам и пробудить успокоительные мысли в том, кто являлся единственным наследником всего этого рая. Но Перси, лорд Бельфер, оставался равнодушным к совместной и достойной удивления работе природы и человека и не испытывал радости при мысли о том, что всё это со временем станет его собственностью. В эту минуту его голова была занята воспоминанием, вытеснявшим всякие другие мысли, о той тяжелой сцене, которую он пережил в полицейском участке. Неприятные для слуха и лишённые такта замечания чиновников еще звучали у него в ушах. А эта адская ночь, проведенная в участке! Твердое ложе! Непристойные звуки, издаваемые пьяными и хулиганами в соседней камере! Время могло смягчить эти воспоминания, могло ослабить остроту этих душевных мук, но ничто не могло стереть их окончательно! Перси был потрясен до глубины души. Физически он все ещё чувствовал одеревенелость и боль в членах от твердой постели. Духовно в нем кипел вулкан. Он прошелся на глазах всего Лондона в сопровождении полисмена. Подобно провинившемуся ребенку, ему пришлось выслушать нотации со стороны чиновника, которого ничто не могло разубедить в том, что он не находился под влиянием винных паров в момент ареста. Этот субъект, побуждаемый добрым намерением предостеречь его, пока не поздно, наговорил ему много вещей насчет его печени. Эти слова он счел бы неприлично откровенными, даже, если бы они исходили от его врача с глазу на глаз. Неудивительно поэтому, что лорд Бельфер оставался равнодушным, не взирая на живописный вид замка и красоту его архитектуры. В нем кипело бешенство, которого не мог укротить никакой разговор с Реджи Бингом во время путешествия из Лондона. Реджи был последним человеком, которого он добровольно выбрал бы в товарищи в часы печали; он не обладал способностью утешать, к тому же, во время пути, он, от времени до времени, пускался в неуместные толкования по поводу недавнего несчастного происшествия, которое было очень неприятно выслушивать. Он возобновил эти шуточки, когда они вышли из мотора и позвонили.

– Это похоже на отрывок из мелодрамы, – начал Реджи. – Блудный сын, шатаясь, подымается по ступенькам старого дома и звонит. Что ожидает его там? Прощение или головомойка, Правда, седой дворецкий, который знал его еще ребенком, с рыданиями бросается ему на шею. Но как поступит престарелый отец, как отнесется он к пятну на фамильном гербе?..

Лорд Бельфер еще сильнее нахмурился.

– Это не тема для шуток, – холодно заметил он.

– Боже упаси, я не шучу. Как хватило бы у меня духу шутить в такую минуту, когда мой друг детства стал социально-опасным элементом.

– Замолчите, ради бога.

– Вы думаете, что мне доставляет удовольствие показываться с человеком, который небезызвестен в преступных кругах под кличкой Перси-потрошитель полисменов? Большие двери замка раскрылись, и в них показался дворецкий Кэггс. Это был человек почтенного возраста, с величественной осанкой и почтительно благожелательным лицом, которое со степенной важностью засияло при виде молодого барина и мистера Бинга, точно их приход переполнил чашу его наслаждений. Его светлые глаза, слегка навывкате, выражали подобострастное почтение. Он как бы придал сцене тот штрих уютной сердечности, в которой так нуждалась полуосвещенная передняя, уставленная тяжелой мебелью. Он как будто хотел дать понять, что наступил момент, которого он давно ожидал, и что отныне здесь воцарится безмятежное счастье. С прискорбием следует отметить тот грустный факт, что, по виду идеальный слуга в часы досуга, когда он не был при исполнении своих служебных обязанностей, был так далек от почтительного отношения к хозяевам, что усвоил манеру, говоря о лорде Бельфере, называть его попросту Перси. А что Кэггс в душе был, «социалистом», не было тайной для старшего персонала в замке, и об этом со страхом шептался низший персонал.

– Добрый вечер, ваше сиятельство, добрый вечер, сэр.

Лорд Бельфер хмуро ответил на приветствие. Реджи был более любезен.

– Как вы поживаете, Кэггс? Если вы собираетесь это сделать, так сейчас как раз подходящая минута. – Он слегка отошел в сторону и приглашающим движением указал на красную шею лорда Бельфера.

– Простите, сэр.

– А! Вы ждете момента, когда сможете сделать это наедине. Вы, может быть, правы! Дворецкий снисходительно улыбнулся. Он не понимал, о чем говорил Реджи, но это не смущало его. Он уже давно пришел к заключению, что Реджи был слегка тронут, причем эту теорию разделял также и лакей Реджи. Нельзя сказать, чтобы Кэггс не любил Реджи, но он относился к нему с пренебрежением.

– Кэггс, принесите чего-нибудь выпить в библиотеку.

– Слушаюсь, ваше сиятельство.

– Превосходная идея, – сказал Реджи. Я только поставлю автомобиль в гараж и сейчас же вернусь.

Он сел за руль и пустил в ход машину. Лорд Бельфер направился в библиотеку в то время, как Кэггс исчез в конце передней, в дверях, отделявших людские от остальной части дома. Реджи проехал не более двенадцати шагов, когда заметил свою мачеху и лорда Маршмортона, шедших ему навстречу со стороны цветника роз. Он приподнялся, чтобы их приветствовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.